

С.В. Волошина

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ УМОЛЧАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

Аннотация. *В статье рассматривается реализация коммуникативной стратегии умолчания в письменных и устных автобиографических текстах. Представляется, что наряду с самопрезентацией это одна из главных коммуникативных стратегий, которые использует человек при рассказывании о себе. Определено, что умолчание информации связано с коммуникативной ситуацией, включающей собеседников, тему общения, с ограниченностью времени, с психологическими факторами: нежеланием информанта сообщать о чем-либо, смущением и т.п., социально-политическими причинами.*

Ключевые слова: автобиография, делопроизводственная автобиография, автобиографический текст, автобиографический рассказ, автобиографический дискурс.

Изучение автобиографических письменных текстов и устных рассказов вскрывает их яркую особенность – неполноту информации и умолчание её авторами.

Цель статьи – исследовать репрезентацию и факторы реализации коммуникативной стратегии умолчания в автобиографическом дискурсе.

Материалом исследования выступают 100 делопроизводственных автобиографий (томичей или людей, для которых Томск стал городом временного или постоянного проживания), написанных жителями г. Томска в конце 1920-х – 1990-е гг. на специальных бланках или на листах чистой бумаги, и 140 устных автобиографических рассказов сибирских старожилов, записанных на территории Томской области с 1940 по 2018 г. Делопроизводственные

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р) и при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

автобиографии хранятся в личных делах (поэтому и называются «делопроизводственные»), отложившихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), архивах университетов г. Томска [1. С. 2].

Коммуникативная стратегия умолчания, реализуемая в автобиографических текстах, еще не становилась предметом исследований, однако учитывалась и упоминалась авторами при анализе композиции и содержания делопроизводственной автобиографии [1], в исследовании таких текстов в структуре судебно-следственного дела [2]. При изучении художественных автобиографических произведений исследователи отмечают проблему соотношения правды и вымысла в текстах, выяснения истинности, достоверности приводимых сведений и вымысла, т.е. в каком-то смысле – умолчания информации [3, 4].

Феномен умолчания изучен больше на материале текстов других типов дискурса. Так, умолчание рассматривается исследователями на материале текстов СМИ как стратегия формирования имиджа [5], как стилистический приём [6] и как коммуникативная стратегия [7], в современном русском дипломатическом дискурсе – как речевая тактика [8], на материале прозаических произведений авторов XIX и XX в. – как компонент художественного текста, поэтический приём [9], как тактика учителя в системе профессиональных речевых тактик [10], на материале политических текстов – как средство реализации неискреннего дискурса [11] и др.

Идентификация умолчания как тактики, приема, стратегии, средства демонстрирует его разное понимание. Это подтверждает и Краткая литературная энциклопедия, в которой отмечается, что не существует общепризнанных толкований термина «умолчание», это условный термин поэтики, который имеет несколько значений:

- 1) недоговоренность фраз, слов;
- 2) часть фабулы, композиции (например, на умолчании строятся произведения детективного жанра);
- 3) как приём, связанный с явлением художественного подтекста, недосказанности, открытой композиции [12. С. 807].

В данной работе умолчание рассматривается как коммуникативная стратегия, направленная на предоставление неполной информации о себе и своей жизни, в том числе ее намеренное сокрытие.

Умолчание в автобиографических текстах может быть связано с разными факторами, главным из которых является их **жанровая специфика**: в исследуемых текстах всегда присутствуют определенные лакуны – авторы / информанты не могут рассказать о своей жизни всё, описать каждый день от момента рождения. В словаре-справочнике «Культура русской речи» автобиография определяется как жизнеописание какого-либо лица, составленное им самим, и отмечается, что в таком документе «можно написать и другие сведения, которые автор сочтёт необходимым осветить в автобиографии» [13. С. 17]. Этот момент отражает возможность авторам указывать не всю информацию о себе, а отбирать наиболее важные события из своей жизни для включения их в текст. Например, в одном из анализируемых личных дел содержатся три делопроизводственные автобиографии 1938, 1947 и 1980 гг. В начале первых двух текстов автор указывает сведения о матери: «Мать, дочь захудалого попа, вышла замуж за отца в 1910 году (гражданский брак) и с тех пор занимается исключительно домашним хозяйством, а до 1913 года крестьянским хозяйством вместе с отцом» (1938 г.); «Мать в прошлом мещанка, с начала замужества (1910 г.) – домашняя хозяйка» (1947 г.), в последнем же тексте в начале содержится информация только об отце, в конце текста указывается: «Отец и мать умерли» (1980 г.).

В другом личном деле содержатся три автобиографии, в первой из которых при поступлении в университет в 1946 г. автор пишет о воспитании после смерти отца и об увлечении чтением: «...после смерти отца (1939 г.), когда “воспитание” мое перешло к матери, мои школьные успехи пошли на убыль. Воспитание моё матерью заключалось в том, что она кормила и одевала меня. В остальном я был предоставлен самому себе. Формированием моих взглядов на жизнь, на человека я обязан книгам. Выучившись шести лет читать, я заразился страстной любовью к книгам. Быстро покончил с детской литературой, начал читать более серьезные книги. Осо-

бенно сильное впечатление на меня произвела книга “Маленький оборвыш”, которую я прочитал еще в 3-м классе...». В более поздних автобиографиях эти сведения уже не указываются. Так, в автобиографии 1951 г. автор пишет: «Родители: отец умер в 1939 г. в городе N. Мать и две сестры живут в том же городе»; в автобиографии 1979 г. указывается, что «отец NNN умер в 1939 г., мать NN проживает в N». Это может быть связано с темпоральным фактором – переосмыслением своей жизни автором с течением времени, изменениями, произошедшими в ней, когда на смену одним важным событиям, пришли другие.

На значимость фактора темпоральности обращают внимание исследователи, изучая константы и трансформации народной культуры в диалектном языке и тексте [14]. При устных автобиографических рассказах информанты сами определяют, что они считают нужным сообщить, какие события выбрать из своей жизни: «Ну не знаю, что там еще рассказать, Света, на пенсию я пошла, конечно, я общественной работой почти не занимаюсь, но я посадила ягодные культуры, я себе небольшой садик сделала»; «[говорит вернувшейся домой супруге] Они не хотят [чай], я предлагал, я даже сам перестал чай пить, ты не мешай, не путайся тут, я рассказываю, девочкам надо записать, потом ты расскажешь, за что отец расстрелянный. Старшее поколение все переболели этим».

Наличие лакун в автобиографических текстах обусловлено в том числе **коммуникативной ситуацией**, в которой оказывается автор / информант. С одной стороны, перед информантами / авторами устных и письменных текстов стоит одинаковая цель – рассказать о себе. С другой стороны, порождение автобиографических устных и письменных текстов – это разные ситуации: в одном случае информант рассказывает о себе исследователю, отвечает на его вопросы, что-то уточняет, объясняет ему и т.п.; во втором – автор будущего письменного текста составляет автобиографию, только подразумевая адресата и иногда имея перед собой бланк автобиографии с указанными требованиями (вопросами), что необходимо осветить в тексте. Авторы при создании автобиографии находятся в таких условиях, когда или разговор ограничен

временем общения с исследователями, или текст автобиографии должен уместиться на бланке.

На ответы респондентов, сокрытие информации, ее достоверность, по мнению исследователей, влияют составляющие коммуникативной ситуации: участники (прежде всего, личность интервьюера), метод сбора материала (по телефону, личное общение, по почте), место и время, тема общения, этические и психологические аспекты. Взаимодействие информантов и исследователей в процессе устного биографического интервью, умолчание информации и факторы, влияющие в этой ситуации на получение нужного, качественного материала, исследовались в социологии [15, 16], описывались в антропологических работах [17], исторической науке [18], психологии [19]. Большое внимание этой проблеме уделяется в пособиях и методических рекомендациях для начинающих работать в «поле» [20, 21], отмечается важность проведения качественного интервью и умения распознавать умолчание: «Уметь распознавать фигуры умолчания в речи информанта важно для интерпретации его рассказа в целом» [22. С. 241]. Психологи отмечают включение защитных механизмов, сопротивления при работе с клиентами [19]. Вместе тем исследователи указывают на то, что «биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий “рассказ о жизни” есть автопортрет героя (он же – рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое “из сегодня”, сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание» [23. С. 19].

На умолчание информации может оказать влияние **состав участников коммуникации**. При наличии рядом супруга / супруги, детей, внуков информанты могут чувствовать себя более скованно, поэтому рассказывают не все подробности о своей жизни. Так, после записи речи супругов, когда мужчина вышел из дома, женщина смогла более подробно рассказать о знакомстве с будущим мужем, замужестве, семейной жизни. В ситуации записи

информантов-соседей, когда один из них ушёл, другой информант указал, что в основном своём повествовании не стал при соседе рассказывать о нём, что «у него в школе <...> кличка была Живчик, живой, а, оказалось, по жизни, ему уже сколько лет, он такой же подвижный и активный. А кличка в детстве зря не даётся». В некоторых случаях наличие соседей, друзей информантов не даёт возможности умолчать информацию. Например, жительница села Мельниково Шегарского района Томской области в рассказе о своей жизни, упоминала о том, что её мать вышла замуж за другого мужчину: «Уехала оттуда, а мама уже в то время сошлась с мужчиной». Присутствовавшая при разговоре другая жительница села включилась в разговор: «Немножко добавь, что папа с войны не пришёл. <...> Поэтому мама с другим сошлась». В этом случае информанту пришлось включать в свой рассказ пропущенный эпизод: «Здесь в отношении папы так. Щас я вам вставлю этот вот эпизод...».

Автобиографический рассказ является наиболее распространенным речевым жанром при общении сельских жителей с диалектологами, поскольку информанты при первой встрече с исследователями, как правило, сообщают о себе. Ситуация общения с неизвестным для информанта человеком становится одним из факторов умолчания информации. Важным в этом случае для информантов является знание о том, кем являются исследователи, как дальше будет использоваться собранный материал, записывалась ли речь еще кого-то из села / деревни. Эту информацию сельские жители узнают при помощи вопросительных конструкций: «Вы же не аголо'вники?»; «Это, наверно, будет запись куда-нибудь?»; «Ну, и что вы будете записывать, что я говорю и потом что?»; «А, собственно говоря, кто здесь еще должен быть, в ваших этих записях, или вы чуть не сплошь, все старье собираете?»; «Вы записывать? Старых нас куды-ы»; «Не буду больше ничё говорить, хватит. Чё попало напишете. А вы чё собираете-то, ездите? А потом где это печатать-то будете, скажите?».

Информанты могут умалчивать информацию в связи с **темой общения**. Так, в устных автобиографиях проявляется нежелание / невозможность рассказывать о том или ином периоде жизни

в какое-то время: «Чё о себе рассказать-то вам? Даже и не знаю. Жизнь у меня разнообразная была, хоть из села я и не выезжала. Жизнь была тяжёла, что вспоминать аж не хочется. Как вспоминать начну – слёзы сами градом со щёк лю'тся»; «[Мы бы хотели у вас узнать о вашем детстве.] У-у-у, вот о чём, ой-ой-ой. [Расскажете?] Не больно хорошее детство. <...> Его страшно вспоминать. Я как-то хотела рассказать в Совете ветеранов, так и не могла, расплакалась... Слёзы и... всё»; «[А вернулось с войны сколько?] Да об этом даже тяжело вспоминать. Вернулись, конечно, единицы, мало конечно. Нас всего несколько человек щас осталось. От количества нас призванных – нас осталось два в живых». Исследователи отмечают, что носители культуры «не говорят не только о ничего не значащем, но и об очень важном. <...> Молчание носителей культуры амбивалентно» [24. С. 17]. Иначе говоря, отсутствие при повествовании какой-либо темы может быть связано и с неразработанностью для данного типа культуры того или иного фрагмента действительности, и с его высокой значимостью для человека [24]. Так, записывая речь сибирской крестьянки В.П. Вершининой (1909–2004) более 25 лет и изучая ее, исследователи отмечали, что при общении с диалектоносителем обнаруживалось «нежелание обсуждать тему сверхъестественного, последовательный уход от вопросов о собственной вере, но, вместе с тем, обострённый интерес к религиозной позиции собирателей (людей “учёных” и потому авторитетных для Веры Прокофьевны)» [25. С. 37].

Тема повествования, как видно из предыдущих примеров, может вызывать разные чувства, переживания у информантов, т.е. умолчание может быть обусловлено и **психологическими причинами**: стыдом, смущением, травматическим опытом у информанта, составителя письменной делопроизводственной автобиографии: «А я щас если и без слёз-то говорить не могу, как я прожила. Ну, вы мне вопросы лучше задавайте. Я так чё попало буду говорить»; «Ну что, моёво [моего] мужа, и неохота говорить. Это, наверно, будет запись куда-нибудь? Приехали кода' пчеловодом, он стал пить у меня, пить, на руках осталось девять детей у меня.

Девять детей. Потом, что, залез на вышку, и удавился. Удавился, и у меня вот так лесенка осталась: один одного меньше».

Интересным представляется пример, когда автор трех делопроизводственных автобиографий 1946, 1951, 1979 гг. в последней сообщает о жене и сыне, при этом указывает, что сын – от второго брака. В тексте автобиографии автор не пишет о том, сколько раз он был женат. Можно только предполагать, что умолчание информации в данном случае связано с «тяжелыми» для автора воспоминаниями: возможно, о смерти жены, разводе и т.п.

Как показал анализ автобиографий, умолчание может быть обусловлено **социально-историческим, политическим контекстом** (страх быть арестованным, сосланным), репрессивной политикой государства, временем написания автобиографии. Так, например, сообщая о родителях в трёх автобиографиях, написанных в 1946, 1954, 1955 гг., автор указывает их профессии, то, что отец – инженер, член коммунистической партии, мать – врач, но при этом ни в одном из текстов не называет их имён. При обращении к другому документу из личного дела – анкете, в которой от заполняющего требовалось указать фамилию, имя и отчество родителей, автор указывает данные матери, при этом имя и фамилия звучат как еврейские. Поэтому их прямое упоминание в автобиографии в условиях государственной политики антисемитизма, особо распространившейся в конце 1940-х и в 1950-е гг., было, скорее, нежелательным [1].

Недоверие исследователям во время устного автобиографического рассказа, страх влияют на то, что информант может сообщать не всю информацию о себе, родственниках и т.д. Страх может быть вызван, как уже отмечалось, не только тем, что диалектологи – незнакомые люди, но и социально-историческим, политическим контекстом. Так, в воспоминаниях информанты рассказывают о 1940–1950-х гг.: «Говорить-то нельзя было. Е'слив что-то сказать, то его заберут. Вот если вызывают в НКВД – знали, что не вернётся. Все молчали и всё». Память о советской эпохе, страх преследования, ареста до сих пор сохраняется у многих. Это подтверждают и наблюдения Т.К. Щегловой, проводившей записи устной

истории от жителей алтайских сёл и деревень; «опыт усториических исследований показывает, что у поколения 1930–1950-х гг. до сих пор существует страх перед последствиями своей откровенности. Часто они спрашивают, не “привлекут” ли их за этот рассказ» [21. С. 113]. Этот страх выражается при помощи высказываний со смыслом говорения: «Я сейчас вам тут нарасказываю, а меня потом приедут и заберут»; «Ага, захотели, Расскажи вам всё»; «Хватит вам писать-то уж про меня. Мало ли чё я наболтаю, знаете сколько». Следствием страха могут быть высказывания-просьбы информантов не рассказывать о том, что и как они говорили в процессе общения с исследователями: «А вы, девочки, плохого про меня не говорите. Не пишите, что я материны пела». Возможно, в таких случаях исследователи воспринимаются информантами как представители власти, выразители общественного мнения.

В автобиографиях люди преимущественно говорят только о своих положительных чертах, не указывая при этом отрицательные стороны, стараются создать о себе хорошее впечатление. В этом смысле ключевая коммуникативная стратегия самопрезентации как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [26. С. 129], тесно связана с коммуникативной стратегией умолчания.

Таким образом, каждый автобиографический текст характеризуется неполнотой предоставляемой информации, выстраивается с её помощью, поэтому, на наш взгляд, умолчание является одной из главных коммуникативных стратегий в автобиографическом дискурсе наряду с самопрезентацией. Умолчание информации в автобиографических текстах обусловлено их жанровыми особенностями, темпоральным фактором, ситуацией (темой, условиями, участниками коммуникации, местом и временем) их порождения, психологическими факторами и социально-политическим контекстом, при этом многие факторы могут взаимодействовать.

Литература

1. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1(10). С. 40–54.
2. Килин А.П. «Я изложил только основные черты биографического очерка...»: Автобиография в структуре судебно-следственного дела // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017. С. 213–234.
3. Антюхова С.Ю. Поэтика комического русской провинциальной мемуарно-автобиографической прозы второй половины XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2005. 22 с.
4. Мишина Л.А. Жанр автобиографии в истории американской литературы. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 128 с.
5. Копылова Т.Р. Умолчание как стратегия в формировании имиджа России в испанских СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 295–299.
6. Гладкова Я.О. Стилистический приём умолчания и его реализация в масс-медийальном дискурсе // Научные исследования и разработки молодых ученых : сб. материалов XVII Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 33–37.
7. Куликова Э.Г. Коммуникативная стратегия манипулятивного умолчания в современном медиапространстве // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. статей II Междунар. научно-практической конф. : в 2 т. М. : РУДН, 2018. Т. 1. С. 466–469.
8. Кукатова О.А. Некоторые особенности речевой тактики умолчания в современном русском дипломатическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 29–31.
9. Груздева Е.Ф. Фигура умолчания, её типы и функции в языке русской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 22 с.
10. Ефимова О.Ю. Молчание и умолчание учителя в системе профессиональных речевых тактик : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2005. 24 с.
11. Андрухина Н.В. Умолчание как средство реализации неискреннего дискурса (на материале англоязычных политических текстов) // Инновационная наука. 2017. Т. 3, № 4. С. 152–155.
12. Гусев В.И. Умолчание // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 7. С. 807.
13. Киселёва Л.А. Автобиография // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М. : Флинта; Наука, 2003. С. 17–18.
14. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации материальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

15. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
16. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 1998. 208 с.
17. Олсон Л., Адоньева С.Б. Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс. М. : НЛЮ, 2016. 440 с.
18. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул : БГПУ, 2008. 528 с.
19. Калина Н.Ф. Психотерапия : учеб. для вузов. М. : Академический проспект, 2017. 302 с.
20. Андреева Е.А. Устная история: опрос свидетелей прошлого и описание источников : метод. рекомендации. Томск : Том. обл. краевед. музей, 2010. 38 с.
21. Щеглова Т.К. Устная история : учеб. пособие. Барнаул : АлтГПА, 2011. 364 с.
22. Касаткина А.К. Городская этнография в формате Web: техника сбора данных, этика, перспективы // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2014. Вып. 14. С. 230–246.
23. Алексеев А. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп. 2012. № 3 (93). С. 18–19.
24. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
25. Гынгазова Л.Г. Религиозный аспект бытия в дискурсивной картине мира диалектоносителя // Язык и культура : сб. статей XXII Междунар. науч. конф. Томск, 2012. С. 36–41.
26. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 1314 с.

The Communicative Strategy of Silence in Autobiographical Discourse

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 23–36

DOI: 10.17223/23062061/19/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: autobiography, clerical autobiography, autobiographical text, autobiographical story, autobiographical discourse.

The aim of the article is to study factors of representation and implementation of the communicative strategy of silence in autobiographical discourse.

The material of the research is 100 clerical autobiographies written by residents of Tomsk in the 1920s–1990s on special forms or on sheets of paper, and 140 oral autobiographical stories of Siberian old-timers which were recorded in Tomsk region from 1940 to 2018.

Silence is considered as a communicative strategy aimed at providing incomplete information about autobiographies, including its deliberate concealment. It seems that it is one of the main communicative strategies along with self-presentation that people use during telling about themselves.

Silence in autobiographical texts can be connected with different factors, the main of which is its genre specificity: authors/informants cannot tell everything about their lives, describe their every day from the moment of birth, they select the most important events from their lives to include them in the text.

It is revealed that silence is also connected with the communicative situation, including interlocutors, the subject of communication, time constraints. On the one hand, informants/authors of oral and written texts have the same goal: to tell about themselves. On the other hand, the generation of autobiographical oral and written texts is different: in one case, the informant tells the researcher about oneself, answers questions, clarifies something, explains, etc.; and in the other case the author of the future written text of an autobiography can only imagine the recipient, and sometimes uses a form of autobiography with specified requirements (questions) that need to be answered in the text.

Silence is also connected with psychological factors: the informant's unwillingness to report something, embarrassment, etc. The topic of the narrative can cause different feelings, experiences of informants. So silence can be connected with psychological reasons: shame, embarrassment, traumatic experience of the informant or author of the written text.

Silence is also connected with social and political reasons, the historical, political context (fear of being arrested, exiled), the repressive policy of the state, the time of writing of an autobiography. The memory of the Soviet era, the fear of persecution and arrest is still preserved, so informants can ask where the autobiographical stories recorded by researchers will be used.

In autobiographies, people mostly talk only about their positive features, without pointing out the negative sides, try to create a positive impression about themselves. In this sense, the communicative strategy of silence is related to the communicative strategy of self-presentation.

References

1. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(10). pp. 40–54. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/3
2. Kilin, A.P. (2017) “Ya izlozhlil tol'ko osnovnye cherty biograficheskogo ocherka...”: Avtobiografiya v strukture sudebno-sledstvennogo dela [“I described only the main features of the biographical sketch ...”: Autobiography in the structure of the judicial-investigative case]. In: Zaretsky, Yu.P., Karpenko, E.K. & Shushpanova, Z.V. (eds) *Avtobiograficheskie sochineniya v mezhdistsiplinarnom issledovatel'skom prostranstve: Lyudi, teksty, praktiki* [Autobiographical Works in the Space of Interdisciplinary Research]. Moscow: Biblio-Globus. pp. 213–234.
3. Antyukhova, S.Yu. (2005) *Poetika komicheskogo russkoy provintsial'noy memuarno-avtobiograficheskoy prozy vtoroy poloviny XVIII v.* [Poetics of the comic

Russian provincial memoir-autobiographical prose of the second half of the 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.

4. Mishina, L.A. (1992) *Zhanr avtobiografii v istorii amerikanskoy literatury* [The genre of autobiography in the history of American literature]. Cheboksary: Chuvash State University.

5. Kopylova, T.R. (2013) Umolchanie kak strategiya v formirovaniimimidzha Rossii v ispanskikh SMI [Silence as a strategy in shaping the image of Russia in the Spanish media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 21(312). pp. 295–299.

6. Gladkova, Ya.O. (2017) Stilisticheskiy priem umolchaniya i ego realizatsiya v mass-medial'nom disкурse [Stylistic reception of silence and its implementation in the mass media discourse]. In: Chernov, S.S. (ed.) *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh* [Scientific Research and Developments of Young Scientists]. Novosibirsk: TsRNS. pp. 33–37.

7. Kulikova, E.G. (2018) Kommunikativnaya strategiya manipulyativnogo umolchaniya v sovremennom mediaprostranstve [Communicative strategy of manipulative silence in modern media space]. In: Dolzhikova, A.V. & Barabash, V.V. (eds) *Yazyk i rech' v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura* [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture]. Vol. 1. Moscow: RUDN University. pp. 466–469.

8. Kukatova, O.A. (2018) Some features of speech default tactics in modern Russian diplomatic discourse. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Philology. Journalism*. 1. pp. 29–31. (In Russian).

9. Gruzdeva, E.F. (1993) *Figura umolchaniya, ee tipy i funktsii v yazyke russkoy prozy* [The pattern of silence, its types and functions in the language of Russian prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

10. Efimova, O.Yu. (2005) *Molchanie i umolchanie uchitelya v sisteme professional'nykh rechevykh taktik* [The silence and aposiopesis of the teacher in the system of professional speech tactics]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Yaroslavl.

11. Andryukhina, N.V. (2017) Umolchanie kak sredstvo realizatsii neiskrennego diskursa (na materiale angloyazychnykh politicheskikh tekstov) [Aposiopesis as a means of realizing insincere discourse (based on English political texts)]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 3(4). pp. 152–155.

12. Gusev, V.I. (1972) Umolchanie [Aposiopesis]. In: Surkov, A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 807.

13. Kiseleva, L.A. (2003) Avtobiografiya [Autobiography]. In: Ivanov, L.Yu. Skovorodnikov, A.P., Shiryayev, E.N. et al. (eds) *Kul'tura russkoy rechi* [Russian Speech Culture]. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 17–18.

14. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya –Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3

15. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: HSE.
16. Devyatko, I.F. (1998) *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of Sociological Research]. Ekaterinburg: Ural State University.
17. Olson, L. & Adoniev, S.B. (2016) *Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny: traditsiya, transgressiya, kompromiss* [The Worlds of the Russian Village Woman: Tradition, Transgression, Compromise]. Moscow: NLO.
18. Shcheglova, T.K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [The village and the Peasantry of the Altai Territory in the 20th century. Oral History]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
19. Kalina, N.F. (2017) *Psikhoterapiya* [Psychotherapy]. Moscow: Akademicheskii prospect.
20. Andreeva, E.A. (2010) *Ustnaya istoriya: opros svideteley proshlogo i opisanie istochnikov* [Oral history: interviewing witnesses of the past and describing sources]. Tomsk: Tomsk Regional Museum of Local Lore.
21. Shcheglova, T.K. (2011) *Ustnaya istoriya* [Oral History]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
22. Kasatkina, A.K. (2014) Gorodskaya etnografiya v formate Web: tekhnika sbora dannykh, etika, perspektivy [Urban ethnography in the Web format: Data collection technique, ethics, perspectives]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN*. 14. pp. 230–246.
23. Alekseev, A. (2012) K diskussii o sootnoshenii “sub”ektivnogo” i “ob”ektivnogo” v biograficheskom narrative [On the discussion of the relationship between the “subjective” and “objective” in the biographical narrative]. *Teleskop*. 3(93). pp. 18–19.
24. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob”ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectification of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Gyngazova, L.G. (2012) Religioznyy aspekt bytiya v diskursivnoy kartine mira dialektonositel'ya [The religious aspect of being in the discursive picture of the world of the dialect speaker]. In: Gural, S.K. (ed.) *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 36–41.
26. Myers, D. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-Evroznak.